

10. Устав духовных консисторий. — С. 149.
11. Горчаков М. И. Вказ. роб. — С. 261.
12. Свод законов Российской империи. Свод Уставов Благочиния. — СПб, Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. — С. 189.
13. Горчаков М. И. Вказ. роб. — С. 103.
14. Ibid. — С. 205.
15. Державний архів Миколаївської області, ф. 231. Миколаївська міська поліція, 1840-1916 рр., оп. 1, спр. 1506, арк. 39.
16. Ibid, ф. 479. Пристав Московської частини поліції м. Миколаєва, 1855-1913 рр., оп. 1, спр. 207, арк. 1.
17. Ibid, ф. 229. Канцелярія Миколаївського градоначальника, 1887-1917 рр., оп. 1, спр. 1820, арк. 1.
18. Ibid, ф. 479, оп. 1, спр. 300, арк. 24; ф. 229, оп. 1, спр. 1820, арк. 2.
20. Ibid, ф. 216. Миколаївська міська управа, 1872-1919 рр., оп. 1, спр. 859, арк. 1,12.
21. Ibid, ф. 231, оп. 1, спр. 2247, арк. 38.
22. Ibid, ф. 230. Канцелярія Миколаївського військового губернатора. 1850-1900 рр., оп. 1, спр. 14475, арк. 1; спр. 14 485, арк. 1
22. Ibid, ф. 168. Адміралтейський собор м. Миколаєва, 1796-1915 рр., оп. 1, спр. 218, арк. 28.
23. Ibid, ф. 229, оп. 1, спр. 1156, арк. 1; спр. 1449, арк. 1.

*Д. П. Урсу, доктор исторических наук, профессор
(Таврический экологический институт, г. Симферополь)*

КАРАТЕЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:

1937-й год в Крыму

Сегодня перед историко-правовой наукой стоят взаимосвязанные задачи. Одна из них устремлена в будущее и состоит в юридическом обосновании превращения Украины в процветающее демократическое правовое государство. Другой вектор научных исследований направлен в прошлое, его цель — объективный всесторонний анализ той политической системы, которая превратила СССР в полицейское государство тоталитарного типа, погибшее от внутренних антагонизмов. Можно сказать, что история государства и права Украины теснейшим образом связана с прогностической функцией науки; прошлое, настоя-

щее и будущее составляют неразрывную цепь не только в метафоричном смысле слова, но и в конкретно-практическом плане. Поэтому разоблачение репрессивной юстиции как циничного беззакония сталинского тоталитаризма, возведенного в норму государственной политики, является актуальной и общественно-значимой темой научных работ [см. 6; 7; 8]. Ее глубокая разработка стала возможной благодаря доступности прежде закрытых архивов, в том числе таких карательных органов, как НКВД и Военная коллегия Верховного Суда СССР.

Среди наибольших злодеяний сталинизма против собственно народа на первом месте стоит «великий террор» 1937 г. В исследовательском плане эта тема многоаспектна и неисчерпаема, подход к ней намечен в классических работах А. Солженицына и Р. Конквеста. В них, однако, проблема рассматривается на макроуровне, с «птичьего полета», в масштабах всей страны, поэтому размыты значительные региональные особенности. Это – с одной стороны. С другой стороны, книги названных авторов написаны с большим эмоциональным запалом, без опоры на документальные источники. В силу известных причин богатейшие архивные материалы остались авторам недоступными.

Сегодня существует возможность изучить карательную юстицию сталинского режима в глубину и в ширину. В глубину значит на основе точных неопровержимых фактов, конкретно по отдельному процессу или судебно-следственному делу. В ширину значит в разрезе отдельных городов, административных единиц, регионов. Только расширяя территориальные рамки исследования можно получить правдивую картину этой величайшей народной трагедии.

В настоящей работе географическим полем исследования взят Крым, представлявший в ту эпоху автономную республику в составе РСФСР. Правившая страной клика превратила полуостров в своеобразный испытательный полигон государственного терроризма. Три волны жестоких репрессий (1920-1921 гг., 1928-1930 гг., 1937-1938 гг.) обрушились на жителей полуострова. Крым, как утверждала сталинская пропаганда, в 20-е гг. был гнездом троцкизма. Все партийные руководители автономии (Бела Кун, Гавец, Уфимцев, Носов, Петропавловский и др.), обвиненные в этой ереси, были репрессированы. Наконец, процесс председателя Крым ЦИК Вели Ибраимова и его казнь в мае 1928 г., массовые аресты членов Милли Фирка послужили поводом для разворачивания газетной кампании против «Татарского буржуазного национализма». Начинается этническая чистка и планомерное истребление крымско-татарской интеллигенции.

Предвестником массового террора в Крыму явились аресты осенью 1936 г. троцкистов или, точнее, тех коммунистов, которые во время внутрипартийных дискуссий 20-х гг. голосовали за платформу «левых». Одним из первых был арестован Б. С. Ольховой, заведующий отделом агитации и пропаганды обкома партии. 25 января 1937 г. бюро обкома принимает решение об его «откомандировании в Сталинградский крайком» [4, ф. 17, оп. 21, д. 2486, л. 120], но уже через два дня он был арестован. К этому времени в Сталинград был переведен из Крыма первый секретарь обкома партии Б. А. Семенов. Надо заметить, что Ольховой прибыл в Крым прямо из ЦК, где работал зам. заведующего отделом и неоднократно участвовал в работе оргбюро и секретариата наравне со Сталиным, Молотовым, Ежовым. Так что его арест был, очевидно, санкционирован на «самом верху». Значит, там решили сфабриковать и в Крыму крупное политическое «правотроцкистское дело».

Маховик разоблачений и арестов по команде из Москвы закрутился в полную силу. На том же заседании, где был решен вопрос о переводе Ольхового в Сталинград, первый пункт повестки дня был сформулирован следующим образом «О контрреволюционной деятельности троцкистов-зиновьевцев в Крыму». Пока еще назывались общие цифры «разоблаченных» и имена второстепенных деятелей. Но уже спустя полтора месяца бюро обкома слушает вопрос «О показаниях троцкиста Ольхового. Барабашева (зам. редактора газеты «Красный Крым») и других устанавливается факт участия Фомина в контрреволюционной организации в Крыму – санкционировать НКВД арест Фомина» [4, ф. 17, оп. 21, д. 2487, л. 3]. Таким образом, в руки палачей передан член бюро обкома, первый секретарь Симферопольского горкома партии Ф. А. Фомин.

За Фоминым в застенки НКВД попали зам. председателя Совнаркома КАССР Ф. А. Неструев, первый секретарь Севастопольского горкома партии А. С. Левитин, редактор газеты «Красный Крым» С. С. Мадонов, зам. наркома земледелия М. А. Тильман и другие. Были арестованы также руководители правоохранительных органов автономной республики: начальник милиции Я. А. Бухбанд, зам. председателя Главсуда М. И. Санаев, член Главсуда М. С. Сибирякова [2, д. 09038, л. 233]. К ним добавили военных – командира Крымской дивизии Тальковского, его заместителя Галицкого.

У арестованных следователи вымогали показаний на других партийных и советских руководителей Крыма. Не выдержав физических и моральных истязаний, Б. С. Ольховой и М. А. Тильман сообщили компромат на бывшего первого секре-

таря обкома Семенова как руководителя антисоветской подпольной организации, а также на председателя ЦИК И. Тархана, председателя Совнаркома А. Самединова, второго секретаря обкома Б. Чагара, троцкистов Цупко, Матросова, Гельбуха, Лейкина и других [2, д. 09576, л. 169-181].

Вызванный в Москву из Сталинграда, Семенов был арестован 8 сентября 1937 г. Ему вменялось в вину создание и руководство «правотроцкистской» контрреволюционной антисоветской организацией, в которую входили кроме названных выше, также Беднов, Добрый, Козлов, Рудаков, Гаркуша. Путем вредительства и террора против руководителей партии и правительств эта мифическая организация пыталась якобы свергнуть советскую власть и установить в СССР капиталистический строй. В процессе следствия Семенов, несмотря на покаянное письмо Ежову, с которым был хорошо знаком, отказался от своих показаний, как от вымышленных. Судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда, состоявшегося 29 октября 1937 г., продолжалось 15 минут и закончилось осуждением Семенова к высшей мере наказания. В тот же день он и его подельники были расстреляны [2, д. 09038, л. 180-181].

Проследившая судьбу «Семеновской группы», как ее называли в Крыму, мы забежали несколько вперед. Вернемся к началу 1937 г., когда переведенного в Сталинград Семенова на посту первого секретаря Крымского обкома партии сменил видный партийный деятель, член ЦК Л. И. Лаврентьев (Картвелишвили), бывший в 1929-1931 гг. начальником Украинского военного округа, вторым секретарем ЦК КП(б)У. Вместе с ним в Крым прибыл новый нарком внутренних дел автономной республики Т. И. Лордкипанидзе с заданием от Ежова «очистить КАССР от отщепенцев, оппозиционеров (троцкистов, бухаринцев), различных буржуазных националистов». Уже в мае, выступая на областной партконференции, нарком привел чудовищные цифры о тысячах арестованных по самым различным делам. Было раскрыто 25 шпионских и террористических организаций, 350 контрреволюционных групп. Характерно, что в его выступлении отдельной строкой показан национальный состав арестованных: татар – около 300 чел., немцев – то же число.

Вообще в Крыму при проведении террора 1937-1939 гг. его организаторы особое внимание обращали на национальную принадлежность своих жертв. В состав «правотроцкистской организации Семенова» были зачислены только русские и евреи. Другая подпольная антисоветская организация, вымышленная НКВД, была полностью татарской, причем в нее вошли высшие руководители республики и представители интеллигенции.

Следователи долго колебались, куда зачислить второго секретаря обкома партии Чагара: по должности он как будто должен быть в «Семеновской группе». Да и по существу в 20-е гг. он действительно разделял позиции «левых». Но победил таки принцип разделения жертв по национальному признаку, и он был включен в состав антисоветской националистической миллифирковской организации. Сюда же попал и сменивший Чагара на его посту молодой выпускник Института красной профессуры С. Трупчу, которому в годы деятельности Милли Фирка едва исполнилось десять лет. Вот как в действительности понималась прославленная в песнях «сталинская дружба народов». Каждая нация имела свой ярлык: евреи – троцкисты, немцы – фашисты, крымские татары – националисты, а для русских существовал особый термин «враг народа». Впрочем, врагами народа могли стать и грузины.

Уже на заседании бюро обкома партии 13 июля 1937 г. заслуги Лаврентьева и Лордкипанидзе в деле очищений Крыма от всяких отщепенцев, оппозиционеров, националистов и т. п. были по достоинству оценены. Бюро рассмотрело вопросы «О Лаврентьеве Л. И.» и «О Дордкипанидзе Т. И.» и приняло следующие лаконические решения: «Лаврентьева Л. И., как врага народа, с работы секретаря снять, исключить из состава бюро, членов ОК и члена ВКП(б)». По второму вопросу постановление было еще короче: «Лордкипанидзе Т. И., как врага народа, отстранить от должности НКВД КАСССР. Исключить из ВКП(б)» [4, ф. 17, оп. 21, д. 2488, л. 222, 228]. Об этих решениях они, по всей вероятности, и не узнали, так как были перед этим вызваны в Москву и там арестованы. Бумеранг «великого террора» ударил и по его организаторам на местах. Это касается не только двух названных выше. Сменившие Лордкипанидзе наркомы внутренних дел Крыма Павлов и Михальсон были позднее расстреляны, а Якушев получил 20 лет заключения.

Ряд сотрудников НКВД были осуждены в качестве «перегибчиков». В частности, старший лейтенант госбезопасности И. С. Федотов, допрашивавший Ольховского и исторгнувший из своей жертвы компромат на партийных руководителей Крыма, в марте 1941 г. был осужден военным трибуналом к лишению свободы на 10 лет. В приговоре говорилось, что он «... допускал грубейшие извращения соцзаконности путем незаконных арестов граждан и применения физических мер к арестованным, искусственно создавал дела...» [2, д. 09042, л. 161].

Меры физического воздействия на арестованных, конечно, небыли изобретением одного садиста. Они были санкциониро-

ваны Сталиным, который провел через политбюро постановление об «активных» методах допроса. Это разрешение, точнее, указание следователям было повторено в январе 1939 г. [16, с. 171; 20, с. 117]. А. Солженицын описал 52 приема пыток несчастных жертв, в НКВД Крыма вряд ли все они применялись. Чаще всего арестованных подвергали ночным допросам и многочасовым, иногда до несколько суток, «стойкам», избиениям, голоду, всевозможным провокациям. Всеобщий характер приняли фальсификации протоколов допросов [11, с. 182, 222-223].

Любопытные свидетельства на этот счет оставил на переследствии в 1956 г. бывший ректор Крымского медицинского института М. Г. Умеров. Следователь применял к нему побои и многочасовые «стойки», заставляя подписать заранее отпечатанные на машинке фиктивные протоколы допроса [2, д. 09255, л. 163-164]. В архиве НКВД хранится неподписанное письмо, адресованное Молотову. В нем автор сообщал главе правительства о «гносных методах следствия» по делу Самединова, председателя Совнаркома КАССР. Письмо писал, по всей видимости, сотрудник НКВД, хорошо знавший нравы крымских чекистов. Самединов, говорилось в письме, «... не признавал предъявленных ему обвинений, тогда пустили в ход угрозу, обман, фальсификацию документов, чем вынудили его подписать протокол ... Самединов будет жестоко наказан безвинно, если не будет вмешательство сверху. Гнусно ведут его дело Бызов и Дудко, они способны из самых честных людей сделать врагов народа – так и делают. Они сами враги народа, но еще не пойманные» [2, д. 010032, л. 228].

Действительно, многочисленные следователи-садисты и беззастенчивые карьеристы, как названные Федотов, Бызов, Дудко, Марголин, Белов, их начальники, наркомы Павлов, Михельсон, Якушев превратили крымские тюрьмы в средневековые пыточные камеры, которые по своей массовости и жестокости превзошли все то, что делали гестаповцы в гитлеровском Рейхе. Впоследствии Главная военная прокуратура сухим протокольным языком сказала: «Установлено, что в НКВД Крыма в 1937-1938 гг. допускались необоснованные аресты, избиение арестованных, фальсификация следственных материалов и другие грубейшие нарушения законности» [1, ф. 55, д. 22581, л. 1]. Нейтральное слово «допускались» не может вызвать ничего иного, кроме удивления и возмущения. Следовало добавить! «в массовом порядке». Видимо, прокуроры были столь напуганы в 1937 г., что сказать всю правду они не решались и спустя 20 лет. Да и в самом деле, «распяты революцией», как

удачно названа книга на эту тему [6], были принуждены превратить прокурорский надзор в пустую формальность. Если же спросить «куда смотрел прокурор Крыма», то ответ таков: К. Н. Монатов сам попал в кровавую мясорубку и сгинул в жерновах репрессивной юстиции.

Людей арестовывали не только по оговору заключенных, подвергавшихся всевозможным издевательствам. Необычайного размаха достигло доноительство, как тайное, так и публичное, через прессу. Отсылая читателя к новейшим публикациям об этом феномене [9; 10], укажем на конкретные факты из крымской действительности. Доносы на своих коллег в обком партии посылали преподаватели Крымского педагогического института [3, ф. П-1, оп. 1, д. 1814, л. 12-32, 58-67, 87-93]. Нет сомнений, что подобные письма поступали и в НКВД. Местные газеты «Красный Крым» и «Ени Дунья», редакторы которых тоже были арестованы, с большевистским цинизмом вели кампанию лжи и клеветы, сведения личных счетов, публичных доносов. Вместе с тем поднимались на щит и рекламировались в качестве героев те безнравственные люди, которые предавали своих близких – отцов, братьев, друзей. Пресса сфабриковала «крымского Павлика Морозова» из подростка Юнуса Османова, написавшего донос на директора детдома. Такого «сознательного» пионера повезли в Москву показывать главным педагогам страны Крупской и Бубнову (вскоре расстрелянному), затем выпустили на районное совещание, где он по бумажке зачитал речь против «буржуазных националистов» и «миллифирковцев» [3, ф. П-100, оп. 1, д. 141, л. 219-220].

Против арестованных следователи выдвигали самые дикие обвинения, никак не заботясь о доказательствах. Здесь и подготовка к террористическим актам против вождей, и вредительство на хозяйственном или культурном «фронтах», и свержение советской власти, отрыв Крыма от СССР, национализм, пантюркизм, фашизм. Любимой статьей крымских чекистов была статья 58-11, в которой говорилось о наказаниях за шпионаж. Поскольку до 1914 г. немало юношей крымских татар обучались в Турции, но теперь, спустя почти 25 лет, все они были объявлены шпионами. Бывший нарком просвещения Мамут Недим, получивший образование в Турции и Германии, был объявлен шпионом ... трех государств. То же самое постигло арестованного в Ленинграде известного крымского востоковеда И. Леманова: его пытались сделать агентом Англии, Германии и Турции, хотя в первых двух странах он никогда не был [2, д. 0266, л. 1-3]. Буйная фантазия следователей превзошла все пределы, когда арестованную Ребие Бекирову, наркома здраво-

охранения КАССР, обвинили в подготовке «бактериальной войны» против СССР. На Бекирову уличающие показания дал арестованный в Москве заведующий отделом международных связей Наркомата здравоохранения СССР В. М. Броннер. Он признался, что по поручению наркома Каминского, выступившего открыто против Ежова и вскоре расстрелянного, вербовал врачей в Днепропетровске, Челябинске, Ростове, других городах, а также в Крыму для ведения бактериологической войны. Что это такое, он пояснил следующим образом: «Бактериальная война должна была производиться способами общеизвестными – обсеменением водных бассейнов, водоемов холерными вибрионами, палочками брюшного тифа, дизентерийной инфекцией, заражением воздушных пространств чумными бациллами, прививкой чумных бацилл животным (крысам), которые могут стать источниками разноса заразы, заражением животных сапом, бруцеллезом» [2, д. 012016, л. 31-36].

Весь этот бред Бекирова поначалу полностью отвергала. На одном из допросов она утверждала: «Категорически заявляю, что Брошнер меня в организацию не вербовал, и никаких заданий контрреволюционного порядка я от него не получала». После соответствующей физической и моральной обработки несчастная женщина признала свою «вину», оговорила брата и мужа, тоже арестованных к тому времени. Молодая, крепкая женщина скончалась в тюрьме якобы от активного туберкулеза легких. Это не единственный случай прямого или косвенного убийства заключенных в Симферопольской тюрьме. Скончался во время следствия зам. редактора газеты «Красный Крым» О. А. Барабашов, арестованный по обвинению в троцкизме еще в августе 1936 г. [2, д. 09667, л. 206]. Умер в камере смертников приговоренный к расстрелу по делу «Идель-Урал» известный ученый востоковед Якуб Кемаль. Подобных фактов можно привести больше.

Массовые расправы над крымчанами совершала Военная коллегия Верховного Суда СССР, навещавшая Симферополь неоднократно в 1937-1938 гг. в виде так называемых выездных сессий. К сожалению, в архиве этой малопочтенной организации не удалось получить ни точных дат выездных сессий в Крыму, ни списка осужденных в тот или иной приезд. На ум приходят замечательные, горькие слова Анны Ахматовой: «Хотелось бы всех поименно назвать, да отняли список, и негде узнать». Косвенным путем, однако, удалось установить, что Военная коллегия приезжала в Симферополь в конце октября 1937 г., когда была осуждена «Семеновская группа». В 1938 г. она посетила Крым, по крайней мере, трижды: в начале января,

17 апреля, и 1-2 ноября. 8 января 1938 г. была осуждена к расстрелу группа троцкистов, в состав которой входили, среди других, Б. С. Ольховой и сотрудник Крымского истпарта В. И. Советов, автор публикаций по истории революции в Крыму. 17 апреля 1938 г. выездная сессия Военной коллегии Верховного суда приговорила к смерти большую группу крымскотатарской интеллигенции, партийных и советский руководителей, среди которых председатель ЦИК И. Тархан, председатель Совнаркома А. Самединов, бывшие наркомы просвещения Мамут Недим, Р. Александрович, Б. Чагар, писатели, ученые, журналисты.

В компетенцию расправы военной коллегии, если так можно сказать, входила высшая номенклатура Крыма – партийные и советские руководители: были уничтожены члены бюро обкома партии (за исключением одного, к своему счастью, попавшему под поезд и лишившегося обеих ног), наркомы и их заместители, первые секретари горкомов и райкомов, директора крупнейших предприятий. Массовые же репрессии, охватившие многие тысячи руководителей среднего и низшего звена, рядовых учителей, рабочих, колхозников проводились через внесудебные органы – Особое совещание при НКВД СССР и «тройку» НКВД Крыма. Здесь тоже судили беспощадно – за самые малые проступки (кстати, недоказанные надлежащим образом) человек получал от 8 до 12 лет исправительно-трудовых лагерей, бывало – 20 лет и высшую меру наказания. Так, словоохотливый юморист, сотрудник Истпарта М. Л. Атлас рассказывал анекдоты (в документе уточняется: «слушали всегда с большим вниманием»), получил от ОСО НКВД СССР в декабре 1937 г. 8 лет лагерей [2, д. 010901, л. 52, 131]. Постановлением «тройки» НКВД СССР в октябре 1937 г. приговорен к смертной казни А. Н. Павловский, зав. крымскими фотографиями, который «... с троцкистских позиций подвергал критике политику партии и Советской власти». И. Х. Усеинов, будучи редактором Крымгосиздата, «при переводе произведений классиков марксизма-ленинизма на татарский язык допускал извращение терминологии». В результате – ОСО при НКВД СССР осудил незадачливого редактора к 5 годам лагерей. Этот же внесудебный орган осудил двух учителей из Бахчисарая к 5 и 8 годам исправительных лагерей, а третий из той же группы, попав под Военную коллегию Верховного Суда и к тому же отрицая все обвинения, получил 15 лет лагерей [2, д. 09171, л. 146-149, 155-157].

Следует заметить, что Крым встречался в 1937 г. с деятельностью внесудебных органов не впервые. С нею он познакомил-

ся вплотную еще в конце 1920 г., как только красные армии заняли полуостров. Именно тогда в полную силу заработали чрезвычайные «тройки», творившие расправу и беззаконие по своему произволу. В Крыму, как известно, было взято в плен более 50 тыс. солдат и офицеров армии Врангеля. Почти все они погибли; их расстреливали из пулеметов по приказу чрезвычайной «тройки», которой руководил Г. Пятаков. Об этом сегодня имеется много неопровержимых свидетельств [5, с. 29-43; 12, с. 45; 14, с. 190-216].

«Чрезвычайщина» 1920-1921 годов в несколько измененном виде повторилась в Крыму в 1937-1938 годах. Уже не было белогвардейцев, не было и Г. Пятакова с Бела Куном (их самих унесла новая «чрезвычайщина»), зато были переполненные тюрьмы Симферополя, Севастополя, Феодосии и Керчи. Пик массового террора пришелся на 1938 год. Если в крымских тюрьмах в 1935 г. было всего 2.700 заключенных, то в 1938 г. их число возросло до 8.756, т. е. на 6 тысяч человек [19, с. 68-72].

Трудно предположить, что эта «прибавка» состояла из уголовников. Напротив, как раз в эти годы была запущена борьба с криминальным элементом. По воспоминаниям начальника милиции, уголовники считались «социально близкими» партократии и даже за самые тяжкие преступления получали не более 5 лет. В Новосибирске, например, положение было очень тяжелое: количество грабежей с убийствами и краж – неимоверно возросло [15, с. 71, 86]. НКВД было не до них, оно воевало с собственным народом.

Эти факты особенно актуальны в сегодняшнем Крыму, где десталинизация в общественной жизни и в массовом сознании, в силу известных причин, проводилась крайне робко. Во время парламентских выборов 1998-го года на улицах Симферополя замелькали призывы «За сталинский порядок». Величайший беспорядок и кровавое беззаконие тоталитарной эпохи оболваненным необольшевицкой пропагандой обездоленным людям кажется золотым веком. Следует иметь в виду и следующий момент: палачи НКВД образца 37-го года, oprичники Ежова и Берии доживали свой век в Крыму. Здесь они пустили глубокие корни, обросли многочисленным семейством. И немало их среди тех, немощных физически, но политически сознательных противников демократии и свободы, кто дважды в год выходит на площади с портретами кровавого тирана.

Крымчане заплатили высокую цену карательной юстиции сталинской эпохи – по официальным данным было репрессировано до 1953 г. всего 53 тысячи человек [18]. Души погибших в

ГУЛАГе вызывают к потомкам с призывом не допустить повторения всенародной трагедии.

Литература

1. Архив Военной коллегии Верховного Суда РФ (хранится временно в Центральном архиве Министерства обороны РФ, г. Подольск).
2. Архив Главного управления СБУ в Крыму.
3. Государственный архив при Совете министров Автономной Республики Крым.
4. Российский центр хранения и использования документов новейшей истории, г. Москва.
5. Бордюгов Г. Чрезвычайные меры и «чрезвычайщина» в России в годы гражданской войны // *Cahiers du monde russe.* – 1997. – №1-2.
6. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Распятие революцией. Российские и советские прокуроры. – М., 1998.
7. Зеленин И. Б. «Закон о пяти колосках»: разработка и осуществление // *Вопросы истории.* – 1998. – №1.
8. Зима В. Ф. Социология бесправи: реакция сталинской юстиции на голод в СССР // *Социс.* – 1999. – №2.
9. Козлов В. Феномен доноса // *Свободная мысль.* – 1998 – №4.
10. Королев С. Донос на Руси: опыт социально-философского исследования.
11. Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. – М., 1991.
12. Реабилитирован посмертно. – М., 1988. – Вып. 2.
13. Роговин В. З. Партия расстрелянных. – М., 1997.
14. Тополянский В. Вожди в законе: Очерки физиологии власти. – М., 1996.
15. Шрейдер М. НКВД изнутри: записки чекиста. – М., 1995.
16. Исторический архив. – 1997. – №2.
17. Источник. – 1993. – №1.
18. Крымские известия. – 1996. – 21 мая.
19. Отечественная история. – 1997. – №4.
20. Свободная мысль. – 1998. – №1.